

У САМОГО БЕЛОГО МОРЯ

ЕСТЬ ЛИ ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ? Есть, конечно, хоть и не так много, как хотелось бы. Красивых и достойных фотографирования мест в нашем Отечестве — куда как больше. И фотографы, умело и с любовью эти места запечатлевающие, право же, выполняют функцию не менее значимую, чем пресловутые пророки. Поэтому после затянувшихся странствий по чужеземным краям мы с радостью предоставляем сегодня рубрику «Фотопутешественник» в распоряжение одному из таких людей — Алексею Матвееву. А уж он сам расскажет о том, что так красиво запечатлел.

ФОТО И ТЕКСТ: АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВ

Русский Север. Насколько суровое, настолько же и красивое место на краю света — со своей уникальной природой и энергетикой. Поездка туда обернулась буквально перезагрузкой сознания: такой красоты и таких людей мне еще не доводилось видеть, хотя до этого я бывал во многих красивейших местах России, Европы и Азии. Но никакие идиллические пейзажи южных морей так никогда не зацепят. Эти бесконечные просторы, этот северный ветер; медвежьи следы на дороге; тысячи птиц, ни с того ни с сего вдруг взлетающих над головой, и фыркающие нерпы; волны, с шумом разбивающиеся о суровые камни черных островов; моторка, прыгающая по волнам и обдающая тебя холодными солеными брызгами; мох все-

возможных цветов радуги и маленькие елки, разбросанные по скалам; старые лодки и неизвестно из какого прошлого выплывшие заброшенные останки деревянных кораблей, выброшенные морем на берег; деревянные купола часовен из неведомых времен; и люди, в одиночку живущие на доброй сотне квадратных километров... Здесь начинаешь чувствовать, что такое «русский». Это понимаешь даже не головой, а сердцем. Это и то ощущение покоя на краю света, когда кончается пространство и останавливается само время, — ощущение, которое не найдешь ни в больших, ни в маленьких городах и ради которого стоит проехать эти две тысячи километров. И я обязательно вернусь туда еще, я заболел этими местами навсегда.

ВСЕ НА ЮГ, А МЫ — НА СЕВЕР! В самом начале лета, собравшись небольшой, но дружной и веселой компанией в составе меня и двух моих друзей на Ленинградском вокзале в Москве, мы бодро погрузились в поезд Москва–Мурманск, который и должен был через сутки доставить нас в сердце Северной Карелии — ст. Энгозеро, где нас должны были встретить. Довольно забавно уезжать из Москвы летом в таком направлении, когда толпы сограждан рвутся в теплые края нежить тело в теплых морях и краснеть под лучами южного солнца. Мы не искали легких пляжных путей, а выбрали самый оригинальный из летних вариантов — ехать к Полярному кругу. Из снаряжения и оборудования со мной ехали мой Nikon D80 с объекти-

1.

2.

3.

4.

вами Nikkor AF-S 28-70/2.8 и Nikkor AF-S 18-135/4.5-5.6, набор нейтральных градиентных фильтров, штатив, запасные батареи для камеры, разное туристическое снаряжение типа мембранных курток, резиновых сапог, теплой одежды и нескольких спиннингов.

Южная Карелия по видам в окошке меня не слишком впечатлила, разве что понравились величественные виды заливов Онеги — размер, конечно, поражает! Но окружающая природа мало чем отличалась от подмосковной, с преобладанием обычных лиственных деревьев. Ближе к вечеру следующего дня потянулись уже интересные названия станций, вроде «Кяппесельга». Чувствовалось, что вот теперь мы уже

действительно забрались далеко. Сами станции были крошечными, остановки на них — коротенькими.

И вот — пункт нашего назначения, станция Энгозеро. Правда, прибытие наше несколько скомкалось — мы незаметно въехали в зону белых ночей и, поскольку освещение за окном во второй половине дня ничуть не изменилось, за хорошим разговором не заметили, что время уже подобралось к полуночи, так что собираться и выгружаться пришлось в спешке. Нас встретили на станции и довели до нашей первой точки — базы «Энгозеро», находившейся в одноименном поселке. Задворки поселка выходят непосредственно на само Энгозеро — одно из крупнейших

пресноводных озер Северной Карелии площадью около 122 км² и максимальной глубиной около 18 м.

Погода нас не баловала. Небо было затянуто тучами, а прогноз вообще не предвещал ничего хорошего: похолодание до +4°C, ветер и дождь. Это, замечу, в начале июня, а вовсе не в конце апреля! Северная специфика, ничего не поделаешь. Впереди нас ждали тайга, карельские озера и главная цель нашей экспедиции — Белое море.

БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Озеро было действительно громадным и чуть вытянутым в длину. И как раз вдоль его длинной части нам и предстояло проехать. То тут, то там виднелись

большие и маленькие лесистые острова — на них мы и провели несколько наших первых дней в Северной Карелии. Здесь острова в большинстве своем густо покрыты разноцветным ковром из таежного мха и лишайников. Пестрые кустики мха выглядели почти как букеты цветов, настолько они были разнообразны. Мы бродили по этому великолепию, не уставая удивляться богатству красок северной природы.

Правда, дрянная погода изрядно подпортила удовольствие в плане съемки: никакого интересного света в эти дни мы так и не увидели, причем дневное освещение от ночного почти не отличалось — сказывались, опять же, белые ночи. И лишь под самый конец остров-

5.

6.

4. **Сюрреалистический** тихий вечер на озере Энгозеро
5. **Перевернутое небо**, тонущее в озерных просторах
6. **Остров**

1.

ной части нашего вояжа Энгозеро подарило нам два безумно красивых вечера, подтвердив свою репутацию одного из красивейших озер Северной Карелии: уж если хороший свет появляется, можно сделать просто дивные фотографии!

Вот только мы вовсе не ожидали увидеть закат там же, откуда солнце встает (хотя и садится оно там во время белых ночей лишь условно, очень ненадолго), и чуть было не пропустили весь свет, ожидая его появления с совершенно другой стороны. Так или иначе, мы стали свидетелями потрясающе долгого алого заката, плавно переходящего в восход, хотя для этого и пришлось бегом нестись на другую сторону острова, утопая в мягком таежном мху и перепрыгивая на бегу через упавшие сучья и деревья.

Вечер следующего дня был и вовсе волшебным: небо, а вслед за ним и вода приобрели потрясающий голубой оттенок, и трудно было поверить, что это та же самая вода и то же самое небо, которые все предыдущие дни давили на нас своей серо-стальной, «металлической» тяжестью. В Карелии вообще погода

меняется быстрее, чем расходятся по воде круги от брошенного камня. Вечер был, определенно, сюрреалистический: раскрасив все вокруг голубым светом с фиолетово-розовыми полосками, он поглотил все звуки вокруг. Все вдруг притихло, и мало-мальски слышимые звуки исходили лишь от нас, да изредка от крыльев какой-нибудь пролетающей птицы. Вода стала ровной как зеркало, без единого всплеска. И в этом огромном зеркале вокруг нас тонуло опрокинутое небо с облаками. А потом небо словно вдруг приоткрылось, и из него на озеро полился какой-то особенный свет. И мы, пораженные этим великолепием, едва успевали крутить головами и объективами во все стороны, отдавая должное этому празднику света и цвета.

Таким прекрасным выдался наш последний вечер на Энгозере — на следующий день предстояло вернуться на базу, откуда меньшая часть нашего небольшого «экспедиционного корпуса» должна была отправиться домой, а большая — продолжить двигаться дальше на север, в сторону Белого моря, что мы и сдела-

2.

3.

ли, загрузившись в местный «УАЗик» с лодкой-плоскодонкой на прицепе.

«МОРЕ, МОРЕ, МИР БЕЗДОННЫЙ»

Солнце потихоньку клонилось к закату, заливая теплым вечерним светом все вокруг. Путь наш везде лежал посуху — в грязь не залезли ни разу, поскольку ни разу ее даже и не увидели. Как не увидели ни одного человека и ни одной машины за все то время, что ехали по этой дороге к морю. Между тем места становились все красивее: песок на окаймленной белым ягелем дороге все светлее, елки и сосенки все меньше, а камни все крупнее. По мере того как все дальше мы уходили от цивилизации, начинались уже настоящие дикие дебри, и чувствовалось приближение к морю.

Чем более редел лес и мельчали деревья, тем светлее становилось вокруг даже в самое позднее время. До этого,

хоть и стояли белые ночи, свету мешала чаща, а теперь, когда ландшафт изменился, сразу стало светло и просторно. А воздух... Это отдельная песня, надыхаться им невозможно, его хочется буквально пить, такой он густой и свежий.

Наконец, тайга резко оборвалась и наш «УАЗик» буквально вынесло из нее на величественные просторы побережья Белого моря. Да, не зря сопровождавшие нас местные жители, глядя на наш энтузиазм в фотографировании озерных пейзажей, добродушно посмеивались и говорили, что все это конечно же очень красиво, но не идет ни в какое сравнение с самим Белым морем, где снимать можно чуть ли не каждый камень. И ведь не обманули!

Сказать, что Белое море нас ошеломило — ничего не сказать! После того как мы полдня в потемках ехали по узкой таежной дорожке между

4.

5.

1. «Где-то на белом свете». Берег Белого моря
2. Поморская деревня Гридино
3. Из рыбацкой жизни

4. Одинокий домик на побережье Белого моря
5. Мраморная жила среди камней

карельских елок, а потом вдруг оказались под высоченным и бескрайним северным небом, испещренным контрастными закатными сполохами, нам на какое-то время буквально поносило голову от окружающей неописуемой красоты. Хотя ведь мы не раз были об этом «строго предупреждены». Наверное, формула «предупрежден — значит, вооружен» в подобных случаях просто не работает...

Выехав на берег во время отлива, мы, конечно, тут же повыскакивали из машины и поспешили поближе к воде. Вверху польхал отсвет заходящего солнца, а обнажившееся дно мелкого залива было усеяно здоровенными темными камнями. Причем из-за неровности дна вода ушла неравномерно, тут и там попадались громадные лужи. И в этих лужах морской воды, как в зеркале, всеми красками заката играло небо. Стоя

на берегу и вглядываясь вдаль, мы испытывали ощущение, будто и впрямь стоим на самом краю света и дальше лишь вода, льды и Северный полюс.

Однако пора уже было спешить вновь к островам — теперь уже морским. Мы спустили лодку на воду, покидали туда наш нехитрый скарб, быстро попрыгали в нее и, задев местами винтом о дно, поспешили наискосок через залив к одному из видневшихся неподалеку полуостровов, где и собирались остановиться. А вскоре, пройдя над огромными бурями лопухами морской капусты, наша лодка уже ткнулась носом в песок полуострова, распугав чаек и стайки мелкой трехглазой колюшки, крутившейся повсюду. Взвалив на себя пожитки, мы зашагали по узкой тропинке, вьющейся змеей между камнями и мелкими деревцами на берегу, к небольшой бревенчатой

избушке. Но едва мы туда дошли, я, движимый фотографическим зудом, скинул рюкзак, схватил камеру и рванул обратно на берег моря. На полуострове берег уже был совсем не похож на тот, куда мы выехали из леса, — тот был пологим, а этот представлял собой огромную скалу, обросшую мхом разных оттенков (от зеленых до кислотнорыжих), можжевеловым стлаником и редкими деревцами.

В стремлении объять необъятное я забрался повыше на скалу. Позади, за моей спиной, осталась метеостанция, здание которой было построено еще в 30-е годы прошлого столетия (хотя сама метеостанция была основана еще в XIX веке), на ее фоне красовался живописный старый трактор советских времен (причем вполне в рабочем состоянии), а неподалеку, на берегу залива, лежала несколько

старая, настолько же и фотогеничная рассохшаяся лодка. Впереди открылось во всей своей красе Белое море. Почему-то я именно таким его и представлял еще в детстве, когда читал про него в книжках (разве что без бочек от горючего), — обязательно с живописной избушкой, которая стоит на краю света, среди такой спокойной гладкой воды и под высоченным небом. Причем штиль был абсолютным, а вода — матовой и гладкой, как лед. Оторваться от этого великолепия было выше моих сил, и я стоял и стоял на берегу, дыша полной грудью свежим морским воздухом, и — хотя давно уже давал о себе знать голод и одолевала усталость после целого дня дороги по тайге, — не спешил идти в дом: никак не мог ни надыхаться этим воздухом, ни насмотреться на окружающее великолепие...

1.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

С утра море порадовало великолепной солнечной погодой, не иначе как компенсируя нам предыдущие страдания под студеным ветром, дождем и снегом на Энгозере.

Белое море славится своими отливами, во время которых из-под воды обнажается дно целых заливов, и было очень интересно разглядывать то, что на нем остается после отступившей воды. Местами попадались колонии фукуса — густых кустистых морских водорослей, местами — россыпи мидий, их там не счесть.

Ближе к отступившему на время морю лужи становились посерьезнее. Цвет воды был такой пронзительной синевы, какая встречается именно в северных морях. А что творилось под водой! Там, среди камней, колыхались настоящие подводные сады — буйные

заросли морской капусты вперемешку с фукусом, переливаясь множеством самых разных оттенков.

А на исходе дня мы отправились на ночную фотосессию (благо ночи все-таки были белыми) в поморскую деревню Гридино, расположившуюся на черных скалах километрах в пяти на запад, вглубь Кандалакшского залива. Как раз поутих ветер, очень прилично дувший уже не первый день и не дававший толком выйти в море, и около полуночи наша моторка, бодро (иногда даже чересчур) обдавая нас брызгами, запрыгала по волнам в путь. Минут через 20 впереди показался скалистый берег, прорезанный глубокими бухтами, в одну из которых мы и свернули, и тут уже увидели первые строения Гридино. Берег слева не обжит и весь покрыт лесом. Справа же по берегу идет полоска домов,

стоящих почти у самой воды. Сбоку, по периметру многих домов, проходит высокий дощатый помост, напоминающий причал, — похоже, на случай высокого прилива или шторма.

Хотя домов там довольно много и все они выглядят как жилые, на берегу не было ни души — нас встретили лишь атрибуты суровой рыбацкой жизни, вроде старинных ржавых якорей и прочей оснастки. Просто, видимо, было уже поздно для прогулок — все же на дворе стояла ночь, хоть и белая. Мы затащили нашу моторку повыше на берег, чтобы не унесло приливом, и пошли в деревню. Между домами петляла узенькая улочка, вымощенная досками — такой своеобразный тротуар. Вся деревня очень затейливо расположена на пригорках. На участках — огромные валуны, покрытые лишайниками. Попробуй вырастить там что-нибудь.

Хотя пару парников я все же видел — значит, пытаются что-то сажать. Было всего лишь начало второго ночи, но пока мы осматривались вокруг, вдалеке из-за другой, дальней скалы уже показались первые лучи солнца, немного оживившие пейзаж.

Насколько диковато выглядело все вокруг, настолько же интересно было находиться в таком месте, в такое время, да еще с таким необычным светом. Так называемое «режимное» время, считающееся лучшим для пейзажной фотографии, которое в средних широтах занимает менее получаса, в период северных белых ночей растягивается на несколько часов. Как уже отмечалось выше, сначала очень долго длится закат, потом солнце скрывается за горизонтом всего минут на 20, при этом небо еще немного освещается розовыми всполохами. А потом солнце

2.

3.

4.

выныривает чуть сбоку от того места, куда оно зашло, и начинается долгий рассвет.

Ближе к берегу мы усмотрели среди каких-то хозяйственных строений луковку старинной часовни. Часовня оказалась вполне аутентичной и смотрелась очень колоритно, в стиле церкви из фильма «Остров». Разница только в том, что эта часовня была настоящей, а не декорацией к фильму, с рукодельной деревянной луковкой наверху.

Когда, налюбовавшись всем этим вдоволь, мы вернулись обратно, я решил прогуляться с фотоаппаратом по берегу моря. Солнце только что вынырнуло из-за линии горизонта, где, как известно каждому высокообразованному человеку, начинается обрыв, ведущий к трем китам и громадной черепахе. На заливе я оказался в полном одиночестве — похоже, на десятки километров

в обе стороны. Разве что туча птиц галдела сзади, а временами и они почти затихали, и тогда, среди старых лодок, черных камней и едло показавшегося останавливалось.

Нет смысла само солнце в море снимать: уж слишком мало деталей и нет переднего плана, который я нашел на берегу, — таковым отлично послужили поленница наколотых дров и огромные северные валуны, лежащие на обнажившемся в отлив белом песке.

Между тем солнце, потихоньку поднимаясь все выше и выше, раскрасило в розовый цвет песок и бок старой лодки на берегу. Такие лодки здесь попадаются нередко, и снимать их лучше как раз тогда, когда лучи едва показавшегося солнца окрашивают разошедшиеся борта розовыми лучами в контрасте с длинными темными тенями, — получаются очень интересные сюжеты.

Но все когда-нибудь кончается, подошло к концу и наше путешествие на Белое море. На следующее утро мы начали собираться в обратный путь. Нас проводили все, включая домашних животных с метеостанции. Попрошавшись с дедом-метеорологом — хозяином метеостанции, который зазывал нас приезжать еще, мы погрузились в моторку и двинулись к лесу на другом конце залива. Впереди еще была обратная дорога к поселку Энгозера на «УАЗике» через тайгу, полдня на бурной речке Калге вблизи Энгозера, двое суток в душном поезде Мурманск-Адлер с весьма приятными попутчиками, охочими до нашей копченой рыбы, которой пропах, наверное, весь вагон поезда, и наконец, долгожданный московский перрон Курского вокзала. Все дороги ведь ведут на Курский вокзал, как писал Венедикт Ерофеев, не так ли? Даже такая длинная, как наша. ●

1. Пронзительная синева

Белого моря

2.

3. Одинокое плавание

3.

Такие валуны встречаются на беломорском берегу и бывают больше человеческого роста

4.

Старая лодка и розовый свет беломорских ночей